

Никто не ответил, и Цзян Цань с силой распахнул стеклянную дверь.

Он ворвался внутрь, перешагнул через разбросанные по полу флаконы с жидким мылом и прочие мелочи, и увидел Пэй Юймо, лежащего на полу.

Пэй Юймо был бледен, глаза его были плотно закрыты, словно он спал. Ниже пояса он был аккуратно прикрыт банным полотенцем, что придавало его облику странное, почти умиротворенное спокойствие.

Сердце Цзян Цаня на миг замерло. Ведь только что всё было в порядке, что же случилось?

Он в ужасе распахнул глаза и неуверенно позвал:

— Юймо?

Разумеется, Пэй Юймо не ответил.

А что, если он уже никогда не сможет ответить...

Цзян Цань в отчаянии с силой нажал себе на точку под носом, пошатнулся и, дрожа, сделал шаг к Пэй Юймо.

Неужели он всё-таки потеряет его?

Злой колдун, несчастная принцесса и никчемный он сам!

Он проклинал себя за то, что пришел слишком поздно и не смог защитить принцессу. Лучше уйти вместе с ним!

Цзян Цань бросился вперед, с болью в сердце рухнул на колени, уперся руками в пол, вскинул голову и издал полный скорби вопль:

— Юймо!

Его ладонь беспомощно опустилась на вздымающуюся грудь... Постойте, сердце бьется.

Цзян Цань поспешно вскочил, подхватил Пэй Юймо на руки и бросился вон.

Он решил, что Пэй Юймо еще можно спасти.

В конце концов, наступил новый этап социализма, и как принцесса новой эпохи, он обязан применить научные методы, чтобы победить магию.

...Пэй-третий и Пэй-четвертый проснулись от воплей Цзян Цаня.

Как обычно, они сидели на крыше, собираясь мирно уснуть под мерцание звезд, когда услышали звериный рык Цзян Цаня.

Они чуть было не решили, что внутри началась драка, но не успели разобраться, что к чему, как увидели, что Цзян Цань вылетает из дома, сжимая в объятиях Пэй Юймо.

Его напор был настолько свирепым, словно он готов был сокрушить любого на своем пути.

У Пэй Юймо никогда не было крепкого здоровья, но в глазах Пэй-третьего и Пэй-четвертого

его аура и методы управления были таковы, что люди невольно забывали о его внешности.

Поэтому, увидев, как Цзян Цань выносит Пэй Юймо, они опешили: это точно господин Пэй? Он вдруг показался таким хрупким и беззащитным.

Замешкавшись, Пэй-третий спрыгнул вниз:

— Ты что, поднял руку на господина Пэя?

Пэй-четвертый тоже был в шоке:

— Он тебя еще не прикончил?

Цзян Цань не сбавлял шага:

— В больницу, скорее в больницу! Юймо потерял сознание!

Он направился прямо к гаражу, в мгновение ока открыл двери и разблокировал машину. Пэй-третий и Пэй-четвертый на секунду застыли, но суета Цзян Цаня передалась и им.

Когда они добрались до больницы и увидели светящиеся красные кресты и снующих туда-сюда врачей в белых халатах, Пэй-третий решил вмешаться:

— Но господин Пэй не ходит по больницам.

Здоровье Пэй Юймо всегда оставляло желать лучшего.

Они работали с ним уже много лет и часто видели, как он страдал от обмороков, высокой температуры или болей в желудке, но он всегда обходился лекарствами. О больнице не могло быть и речи, он даже семейного врача не нанимал.

Цзян Цань отмахнулся от руки Пэй-третьего, пытавшегося его остановить.

У него не было времени на разговоры. Он понес Пэй Юймо вперед:

— Раз уж приехали, значит, пойдем!

Центральная больница Цзинду была крупнейшей частной клиникой города. Даже глубокой ночью здесь горел свет, а машины скорой помощи беспрестанно увозили и привозили пациентов.

У входа стояло множество машин, и немало людей, подобно Цзян Цаню, вбегали внутрь, неся кого-то на руках.

Из одной машины выскочили люди: мужчина бережно нес женщину, которая крепко стиснула зубы, а по ее щекам текли слезы.

Она была хрупкого телосложения, но ее живот был округлым, а одеяло, которым она была укрыта, местами намокло — очевидно, у нее начались роды.

Если бы здесь был Цзин Цзи, он бы непременно узнал в этой женщине, спрятавшейся в объятиях мужчины за маской и кепкой, кинозвезду Нин Мэн, которая ушла из индустрии в прошлом году.

Нин Мэн вцепилась пальцами в одежду брата и тихо всхлипнула:

— Брат, больно...

Нин Чэн поддерживал ее и не переставал утешать:

— Скоро пройдет, не бойся, я рядом.

Но врача на месте не оказалось.

Медсестры, принявшие пострадавших из скорой, пробежали мимо них к операционной, даже не обернувшись:

— Идите в родильное отделение, ищите персонал там!

Нин Чэн остановился, щурясь и оглядываясь по сторонам. Он проклинал себя за то, что приехал в спешке: мало того что не взял с собой помощников, так еще и очки забыл.

Ситуация была критической.

Посреди ночи ему позвонила сестра и сказала, что у нее отошли воды и начались схватки. Дорога была забита, а когда они наконец добрались, выяснилось, что где-то произошла массовая авария, и даже медсестры, которая могла бы проводить их в палату, не нашлось.

Больше всего его злил муж сестры!

Как человек, у которого скоро должен был родиться ребенок, мог позволить себе уехать на съемки в глухие горы?!

Да еще и на два-три месяца, это просто возмутительно!

Телефон в кармане куртки завибрировал. Нин Чэн ответил и рявкнул:

— Сюй Линъюнь! Где тебя носит?! Ты хоть знаешь, что Сяо Мэн вот-вот родит?!

Мужчина на том конце провода был готов разрыдаться:

— Чэн-гэ, я только что сошел с трапа, как она? Я уже еду!

Телефон стоял на громкой связи, и Нин Мэн, услышав голос любимого, снова заплакала.

Она закусила губу, сдерживая боль:

— Всё хорошо, брат, не нужно звать Линъюня обратно. На самом деле я в порядке, я еще немного потерплю.

Нин Чэн, не зная, на кого злиться больше — на сестру или на зятя, буркнул:

— Да пошло оно всё к черту!

Если бы здесь был Цзин Цзи, он бы по голосу понял, что этот лепечущий в трубку режиссер — не кто иной, как Сюй Линъюнь, самый востребованный талантливый режиссер современности.

Сюй Линъюнь был лидером новой волны режиссеров.

Он начал карьеру совсем недавно, за три года снял всего два фильма — один простой, другой сложный, — но оба стали хитами и принесли награды, сделав двух актеров лучшими актерами года, а одну актрису — лучшей актрисой.

Верно, один из фильмов принес награды сразу двум актерам.

Но Нин Чэну было плевать на гениальность Сюй Линъюня. Он снова выругался и сбросил вызов.

Аэропорт находился на другом конце города, пока он доедет, будет уже поздно.

В этот момент мимо промелькнула фигура. Нин Чэн смутно разглядел золотоволосого юношу, который нес кого-то на руках.

Юноша бежал изо всех сил, а человек в его руках был плотно укутан в банное полотенце.

Нин Чэн стиснул зубы и бросился следом.

Цзян Цань уже дважды бывал в этой больнице, поэтому немного ориентировался, что было гораздо лучше, чем метаться, как слепой котенок.

Однако из-за той аварии коридоры были завалены пострадавшими. Цзян Цань прикрыл нос Пэй Юймо и быстро прошел мимо.

От резкой тряски Пэй Юймо слегка открыл глаза. В полузабытьи он увидел чью-то челюсть и шею, кожа которой казалась гладкой и светлой, покрытой тонким слоем влаги.

Это был очень непривычный ракурс.

Словно время повернуло вспять, и он вернулся в детство, когда его носили на руках.

Пэй Юймо пристально смотрел на нос Цзян Цаня, на его напряженно сдвинутые брови и длинные, как веера, ресницы.

Он видел, как тот слегка наклонил голову, его губы шевелились, словно он без умолку что-то говорил.

Пэй Юймо изо всех сил пытался разобрать слова.

Хаотичный гул постепенно затихал, словно между ним и миром пролегла бурная река.

Звуки клаксонов, крики торговцев, разговоры, плач.

А совсем рядом — частое, прерывистое дыхание.

Голос Цзян Цаня доносился с той стороны реки, прерывистый и странно успокаивающий.

— Не умирай, мы уже почти пришли.

— Юймо, потерпи еще немного.

...

Запах крови в носу стал невыносимо тошнотворным.

Тело помимо воли отозвалось давней болью, а чистый голос Цзян Цаня начал превращаться в незнакомый мужской бас.

— Не бойся, малыш, всё хорошо. Злодеев уже поймали.

— Не открывай глаза, так будет не больно, держись.

Утешения, смешанные с воем полицейских сирен, прервал другой голос, усталый:

— Капитан, приехали родственники пострадавших. Это беременная женщина, стоит ли ей видеть ребенка в таком состоянии... Ой, леди, леди, вы в порядке?!

Взгляд затуманился от яркого света ламп.

Пронзительный плач женщины был похож на бумажный фонарик, разорванный зимним ветром. Пэй Юймо, преодолевая боль, посмотрел сквозь пелену слез.

Он увидел свою мать.

Она была в белом платье, такая маленькая, съежившаяся в комочек.

Он видел, как она, окруженная полицией, в муках обхватила живот, а под ней расплывалось алое пятно крови.

Пятимесячный плод, девочка, которую они уже называли Сяобай, погибла.

Время несло назад, в хаос и неразбериху.

Тот человек, что похитил его, словно предлагая ребенку самую сладкую конфету, самым нежным голосом произнес:

— Просто позвони папе, он привезет деньги и заберет тебя, дяди не причинят тебе вреда.

Но в трубке звучали чужие голоса.

Отвратительные мужчина и женщина, сплетясь, тяжело дышали и стонали.

Пэй Юймо отрешенно закрыл глаза, его сознание превратилось в тонкую нить.

Как же страшно.

Сидя в черной железной будке, он плакал и звал на помощь всех, кого знал.

А-Мо страшно, есть здесь кто-нибудь?

Ведь еще вчера вечером шесть свечей на праздничном торте сияли так ярко.

Но этот свет стал невыносимым, на него больше нельзя было смотреть.

Побледневшие пальцы судорожно сжали полотенце. Ослепительный свет больничных ламп заставил его снова заплакать.

В тот миг, когда он был готов вновь погрузиться в темноту, Пэй Юймо снова уловил отчетливый, насыщенный растительный аромат Цзян Цаня.

И отчетливо услышал, как мужчина рядом, тяжело дыша от бега, сказал:

— Брат, наконец-то родильное отделение, спасибо тебе... Эй, это твоя жена? Когда рожать?

А затем голос Цзян Цаня, полный глубокого шока и неверия:

— Что, это родильное отделение?

Пэй Юймо:

— ...?

<http://bllate.org/book/21476/2197582>